

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО

АФГАН

РАЗВЕДКА ВДВ В ДЕЙСТВИИ

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Вся правда о ВДВ. Воспоминания десантников

Валерий Марченко

**Афган: разведка ВДВ в
действии. Мы были первыми**

«Алисторус»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Марченко В.

Афган: разведка ВДВ в действии. Мы были первыми /
В. Марченко — «Алисторус», 2018 — (Вся правда о ВДВ.
Воспоминания десантников)

ISBN 978-5-907024-17-5

В ноябре 1978 года, после окончания Рязанского училища ВДВ, автор был назначен командиром взвода отдельной разведроты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Через год вместе со своим подразделением он попал в Афганистан, где провоевал два года. О четырех годах службы в разведке ВДВ он честно и подробно рассказал в своей книге. Чему и как обучали бойцов разведподразделений Воздушно-десантных войск в мирное время и как они применяли полученные навыки «за речкой», когда в декабре 1979 года одними из первых вошли в Афганистан.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907024-17-5

© Марченко В., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Марченко
Афган: разведка ВДВ в
действии. Мы были первыми

© Марченко В. Г., 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

Предисловие

*Если б не Афгана
Чёрный омут,
Не предначертания
Судьбы...
Всё, возможно,
Было б по-другому,
Без смертей и горя.
Если бы...*

Написать книгу о боевых друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, выполнявших воинский долг в Афганистане, я решил давно и, скорее всего, по велению души. Хотя не все получалось сразу: идея рождалась, зрела, обретая нужное качество, пока не перешла в твердое убеждение – рассказать о парнях, выбравших жизненной позицией великую стезю по защите Родины, о десантниках, посвятивших себя службе в разведке Воздушно-десантных войск.

Не последнюю роль в решении написать книгу сыграли пожелания начальника разведки соединения гвардии полковника Скрынникова Михаила Федоровича. В своем письме он мне заметил: «Валерий! Обязательно издай книгу. Один экземпляр, заранее, для меня. В нее включи эпизоды ведения разведки, засад, поиска, боевых действий в составе рейдовых группировок. Районы, где проходили бои, привязывай к населенным пунктам, которые сохранились в памяти...»

И работа над книгой началась строками раздумий человека, для которого понятия «честь», «мужество», «отвага» – не просто слова, а смысл служения Родине. Как профессиональный военный, офицер разведки ВДВ, могу поделиться с вами: пришло время, и жизненный опыт призвал вспомнить афганские события шире понятия – интернациональный долг. Афганистан – жизненная позиция поколения, защищавшего интересы Отчизны за рубежом. Время выбрало нас!

Две мои командировки «за речку», растянувшиеся на четыре года, встречи ветеранов разведки ВДВ в Москве, Санкт-Петербурге, Витебске, явились последним толчком, побудившим включиться в работу над книгой о разведчиках, выполнявших специальные задания в горах Афгана. Не могу не сказать о том, что наш последний маргеловский выпуск 1978 года Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола прошел через Афганистан, Чечню, другие раскаленные войной регионы, где погибли замечательные парни: Игорь Турченков, Миша Румянцев, Фаиз Рашитов, Шура Палагин, Леня Озолин, Саша Толмачев... Многие выпали из боевого строя: смерть вырвала из наших рядов лучших ребят, воплотив их в гранит обелисков и стел, но холодный монолит ничто в сравнении с живой памятью наших сердец. Мы знаем и помним, какими они были, смеялись, грустили, как крепко дружили, воевали, и долг оставшихся в живых – не предать забвению ребят.

Рядом со мной воевали друзья – солдаты, офицеры, выполнявшие воинский долг в самом лучшем его понимании. Испытываю гордость за них и наши боевые дела, породившие дружбу в афганских горах на многие годы. Свою работу на войне мы делали честно и справедливо, без остатка отдаваясь профессии – защищать Родину! В Афганистане учились ее защищать тысячи парней, прошедших по горам и пустыням, чтобы бороться за единство России в других горячих точках планеты. Эти строки пишу в память о лучшем друге Толмачеве Александре

Михайловиче, погибшем за Великую Россию в борьбе с силами международного терроризма, о моих друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, самоотверженных десантниках, достойно выполнивших воинский долг перед Родиной!

Без малого 30 лет прошло с тех до боли памятных дней, когда колонны выводимых в Советский Союз частей 40-й армии проходили мост «Дружбы» через Амударью – РЕЧКУ, ставшую отметиной целому поколению молодых людей. Домой возвращались сыновья, мужья, отцы, беззаветно отдавшие самое святое – душу, сердце, любовь – Родине, воспитавшей в них чувство верности, преданности. И не сомневайтесь – с достоинством и честью сохранили они в себе эти качества, на которых выросли поколения офицерских кадров Вооруженных Сил СССР. Для нас Афганистан не закончился, он – в сердце, он – в памяти... Итак, разведка ВДВ в действии.

Глава 1

Начало моей офицерской деятельности после утверждения в качестве командира разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии складывалось удачно. Приезд в Витебск 5 ноября 1978 года, устройство в гостинице «Советская» прошли без проблем. С утра следующего дня привел в порядок парадную форму и ровно в 9.00 прибыл в штаб соединения для представления начальнику отдела кадров подполковнику Нежурину.

– Товарищ гвардии подполковник, лейтенант Марченко для дальнейшего прохождения службы прибыл.

Внимательный взгляд кадровика с черными усами вызвал волнение и даже трепет. Достав из сейфа мое личное дело, пришедшее из Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, он открыл его, полистал.

– Присаживайтесь, Марченко. Как отдохнули? Вы из Сибири?

– Так точно, товарищ подполковник, из Томской области, сибиряк. Отдохнул нормально, готов командовать парашютно-десантным взводом.

Подполковник усмехнулся, продолжая изучать личное дело.

– У вас богатый послужной список, лейтенант: «учебка» в Забайкалье, шесть лет на сержантских должностях, наверное, скучно будет командовать взводом?

– С этого все начинают, товарищ подполковник.

– Гвардии подполковник, – уточнил начальник отдела кадров.

– Извините.

– Ничего, лейтенант, сегодня вы также становитесь гвардейцем прославленного соединения Воздушно-десантных войск. Привыкайте.

– Есть.

Нежурин, продолжая изучать личное дело, расспрашивал о службе в армии, учебе в училище, через какое-то время набрал номер телефона:

– Удалий, зайдите.

Через минуту в кабинет зашел крепкого телосложения капитан с академическим значком на кителе. Нежурин кивнул в мою сторону:

– Забирай лейтенанта, беседуй, через час доложишь.

Капитан повернулся ко мне и не очень внятным голосом представился:

– Капитан Удалий, начальник разведки дивизии. Идемте со мной.

Пошли по коридору штаба соединения к кабинету, на двери которого висела табличка «Разведывательный отдел». Я вошел вслед за Удалим. Скромная кабинетная обстановка: несколько столов, стулья, шкафы, за грудой бумаг сидел лейтенант.

– Филонов, принимай гостя, планируется вместо тебя.

Встав, лейтенант подошел, протянул руку.

– Николай, помощник начальника разведки. Присаживайся.

Удалий, усевшись за письменный стол, заваленный папками, бумагами, начал беседу, скорее – собеседование: он задавал вопросы, я отвечал. С первых минут стало ясно, что с начальником разведки дивизии надо быть очень внимательным: плохая дикция, несвязная речь сбивали с толку. Вначале он задавал общие вопросы, уточнил биографию, затем перешел на учебу в училище. Постепенно подошли к теме «Организация иностранных армий», некогда любимой для меня на занятиях по тактике, которые проводил полковник Колесников Петр Михайлович. Посыпались вопросы по американской группировке в составе НАТО на западно-европейском театре военных действий. Особый упор начальник разведки сделал на структуру авиационных крыльев США, дислоцировавшихся в Западной Германии, организацию 5-го и 7-го корпусов США в составе альянса.

По спине потек пот, стало душно, но на поставленные вопросы отвечал твердо, уверенно. Несколько раз не сходились в оценке личного состава механизированной дивизии США и 5-го армейского корпуса.

– Филонов, папку.

Помощник лез в первоисточник, находил, уточнял.

– Как с физической подготовкой? – подытожил наконец начальник разведки дивизии.

– Нормально, товарищ гвардии капитан.

– Пошли.

Вышли в коридор, по лестнице спустились во двор, где стояла перекладина.

– Давай подъем переворотом.

Сняв парадный китель, я положил его на скамейку и, сделав заскок на снаряд, приступил к выполнению упражнения на количество раз. Ржавая труба перекладины говорила о том, что офицеры штаба дивизии нечасто баловали ее вниманием. На двенадцатом обороте Удачный остановил.

– Достаточно. Как с рукопашным боем?

– В порядке. Спарринг, каты?

– Давай каты, – усмехнулся начальник.

Посмотрев с минуту, махнул рукой:

– Идем к Нежурину.

Зашли в кабинет, кадровик поднял голову от документов.

– Товарищ гвардии подполковник, лейтенант соответствует службе в разведке дивизии. Забираю к себе.

Нежурин указал на стулья. Присели. Полистав бумаги, он что-то сверил, уточнил и, наконец, поднялся.

– Гвардии лейтенант Марченко, – начальник отдела кадров соединения строго смотрел на меня.

– Я! – вскочив, принял положение «Смирно».

– Приказом командира 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии назначается командиром разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Приказ будет подписан сегодня. С этого момента поступаете в распоряжение начальника разведки Удалого. Желаю успехов, лейтенант!

С этого момента началась моя служба в разведке ВДВ. Осеннюю проверку рота сдала на удовлетворительную оценку, которая не устраивала ни разведчиков, ни командование соединения, поэтому с наступлением зимнего периода обучения началась кропотливая работа. Разведывательным отделом дивизии под руководством начальника разведки соединения Удалого был разработан план зимнего разведывательного выхода. Он предполагал комплекс мероприятий по совершенствованию боевой подготовки личного состава разведчиков в условиях, приближенных к боевым. Сформированы разведывательные группы, которые необходимо было готовить до способности выполнять учебно-боевые задачи в глубоком тылу противника в автономном режиме. Работа разведывательных подразделений в условиях полевого выхода, выполнение ими специальных задач решалась совместно с другими частями дивизии.

Действовал единый план, разработанный штабом соединения под руководством гвардии подполковника Чернова. На нас, разведчиков, особое внимание обращал командир дивизии гвардии полковник Рябченко. Мы всегда были в поле его зрения, поэтому разведотдел соединения, готовя план разведвыхода, учитывал многие составляющие. С одной стороны, отрабатывались чисто специфические задачи для разведывательных подразделений: ведение разведки, поиск, засадные действия, вскрытие объектов противника с переходами на большие расстояния. С другой стороны, в обязательном порядке решались вопросы огневой подготовки применительно к курсу стрельб, оружия массового поражения, включая нормативную

базу, вождения боевых машин. Дело в том, что на итоговых проверках первый блок вопросов проверяли разведывательные отделы соединения и ВДВ. С огневой, политической, воздушно-десантной подготовкой, в том числе швартовкой техники, вождением боевых машин дело обстояло иначе – сдавали по общему принципу парашютно-десантных подразделений. Важными являлись необходимость расчета временных показателей, взаимодействие с другими частями дивизии в использовании стрельбищ, директрис, трасс для отработки вождения днем и ночью.

План парашютных прыжков разведчики выполняли на «отлично». Рота перешла на управляемые парашютные системы Д-6, освоила их, совершая прыжки из всех видов самолетов военно-транспортной авиации.

Воздушно-десантной подготовкой занимался Иван Комар как заместитель командира роты – инструктор ВДП. Оборудованный комплекс позволял проводить занятия по воздушно-десантной подготовке в полном объеме. Отрабатывали элементы прыжка с парашютом по этапам: с трамплина, при гашении купола в момент протаскивания, в чрезвычайных ситуациях. Командиры разведвзводов лично проводили занятия, тренировали разведчиков, готовили их к совершению парашютных прыжков.

В учебно-боевых буднях разведчики мужали, набирались опыта, боевого мастерства. Наши успехи не раз отмечались командованием соединения, а глазами корреспондента дивизионной газеты «Гвардеец» это выглядело так:

«Сегодня мы рассказываем о воинах-гвардейцах, разведчиках, которыми командует коммунист гвардии лейтенант Валерий Марченко. Нелегким был путь к успеху десантников коллектива. Позади остались будни ратной учебы, занятия, проходившие в обстановке, максимально приближенной к боевой. Одним словом, пройден серьезный этап солдатского становления разведчиков.

...Воздушный корабль идет на снижение, гасит скорость. С минуты на минуту ждут начала десантирования воины разведывательной группы, возглавляемой членом КПСС Валерием Марченко. Полностью уверен командир в каждом своем подчиненном перед выполнением сложной и ответственной задачи в тылу условного противника. А те в свою очередь не выказывают ни малейших признаков волнения, беспокойства. И, конечно же, пример берут они с офицера, своего старшего товарища. Обо всем красноречиво говорят глаза разведчиков, в которых отражается решимость, спокойствие.

Резкий, громкий звук сирены заставляет в считанные доли секунды полностью собраться. Теперь все посторонние мысли исчезают, мозг работает не лихорадочно, а быстро и четко.

– Пошёл! – следует долгожданный сигнал.

И тут один за другим стремительно бросаются в люк самолета отличники-парашютисты, гвардии сержант Анатолий Попков, гвардии ефрейторы Илья Семенов, Николай Швецов. Грамотно действуют разведчики в воздухе. Опытные, смелые, сильные и ловкие, они быстро достигают земли, освобождаются от подвесных систем и покидают площадку. Когда все разведчики в сборе, гвардии лейтенант Валерий Марченко уточняет боевую задачу, высылает вперед дозорных, и разведгруппа скрыто выдвигается в указанный район. Высокую ратную выучку показывает кандидат в члены КПСС гвардии ефрейтор Илья Семенов. Под стать ему комсомольцы Игорь Хрисанов, Борис Иванов, Сергей Остриков, Виль Мухаметзянов. Непросто ночью отыскать объект “неприятеля”. Но разведчики четко ориентируются на местности. Заметив парный патруль условного противника, дозорные немедленно докладывают об этом командиру. Не прекращая ведение разведки, группа останавливается, готовится к бою на случай, если вдруг будет обнаружена “неприятелем”, усиливает наблюдение.

Вскоре становится очевидным, что поблизости находится отыскиваемый объект – узел связи. Используя средства радиоразведки, десантники определяют направление на него,

дальность, тип работающих станций. Затем уточняют координаты объекта, вскрывают систему охраны и обороны, наносят все данные на карту, передают по радио все сведения начальнику, выславшему разведку, и приступают к выполнению последующей задачи.

За ночь войны оставляют позади в тылу условного противника несколько десятков километров. Однако, глядя на их действия, нельзя сделать вывод, что они устали.

Все поставленные задачи гвардейцы-разведчики в ту ночь выполнили на "отлично". Такой же оценкой были отмечены умения и знания воинов на состоявшихся сравнительно недавно контрольно-проверочных занятиях. Они показали настоящую боевую зрелость десантников. На итоговом занятии по политической подготовке особого внимания заслуживали ответы коммуниста гвардии ефрейтора Ильи Семенова, комсомольцев гвардии сержанта Анатолия Попкова и десантников Николая Швецова, Бориса Иванова. Этим воинам проверяющий объявил благодарность».

Это общий фон накала учебно-боевых будней за полгода до входа в Афганистан. Так или иначе он отражает обстановку того времени: коммунисты и комсомольцы впереди, с них берут пример остальные, ориентируются в ратных делах. В этой статье читаем дальше:

«Выполняя социалистические обязательства, войны повседневно проявляли горячее стремление к совершенству своей десантно-полевой выучки, повышению уровня мастерства. И это помогает гвардейцам преодолевать все трудности, покорять намеченные рубежи. Подразделение воинов-разведчиков в зимней учебе полностью выполнило социалистические обязательства. В роте подготовлено 65 % специалистов первого и второго класса, все десантники здесь – значкисты ВСК, спортсмены-разрядники».

Высокую оценку разведчикам дало командование соединения, с серьезной подготовкой подходила разведка дивизии к началу боевых действий в Афганистане. Бытует известная фраза: «Хочешь мира – готовься к войне», и разведчики готовились к ней, следуя основному правилу: чтобы выжить – учись воевать. На земле Беларуси мы, офицеры-разведчики, постигая искусство войны, уже раскрывавшей свои объятия, учились сами и учили солдат, как надо воевать в современном бою. Чтобы понять накал учебно-боевых занятий, вернемся в ноябрь 1978 года.

Начальник разведки дивизии, командование роты проанализировали итоги осенней проверки 1978 года, в результате которых выявились недостатки, ошибки, недоработки командного состава. Зимний период обучения планировался с учетом выводов итоговых занятий прошедшей осени. Были определены основные направления деятельности офицерского состава, которыми стали: боевая и политическая подготовка, совершенствование материальной базы, воспитание личного состава, несение службы во внутреннем наряде. Надо сказать, что нарядов для отдельной разведывательной роты выпадало немного и они не мешали выполнению плана учебных занятий. Учили экипажи чувствовать время выполнения элементов 3-го упражнения из боевой машины десанта, делать «дорожку» при стрельбе по пулеметным целям, затем отрабатывали упражнение в целом. Офицеры подразделения, личный состав валились с ног от усталости.

Достигнутые результаты всё равно не радовали нас, потому что мы знали, чувствовали: до совершенства еще далеко и надо много работать. Это понимал офицерский состав, разведывательный отдел дивизии. Проходившие накануне, летом 1978 года, учения также вскрыли ряд недостатков, которые учитывались в дальнейшей учебно-боевой деятельности. Зимний период обучения 1978–1979 гг. готовился основательно, с учетом упущенных возможностей. Совершили несколько прыжков с Ил-76М на площадку «Беловодка» под Полоцком, отработали несколько длинных переходов с ведением разведки объектов. Зима выпала снежной, морозной, даже мне, сибиряку, было откровенно прохладно, а моим подчиненным-южанам пришлось вдвойне тяжелее. Но план зимнего выхода все равно не менялся, разведывательные группы парашютным способом были выброшены на уже известную площадку, в пунктах сбора

мы встали на лыжи и приступили к выполнению учебных задач. В интересах дивизии одновременно работало 12 разведывательных групп.

Каждая разведывательная группа получила задачу по ведению разведки в определенной полосе действий. Надо было не только обнаружить предполагаемые объекты разведки, но и установить их систему охраны, обороны, выявить уязвимые места проведения диверсионных действий, то есть, говоря языком разведчиков, вскрыть объекты. Снег был выше человеческого роста, и все бы ничего, но три разведчика моей группы впервые в жизни увидели лыжи. Очень тяжело давался переход Сергею Сафарову, Геннадию Баравкову (оба из Душанбе) – спортсмены-борцы, а вот на лыжах не стояли. (В Афганистан Сафаров входил в качестве моего заместителя командира разведгруппы, а после увольнения в запас в мае 1980 года моим заместителем стал Баравков). Борис Иванов из Фрунзе также тяжело переносил морозную зиму и сложнейшие переходы на лыжах в тылу условного противника. В среднем суточный переход составлял до 60 километров по лесам Витебской области, но разведчики выдержали испытание суровой зимой и лютым морозом. Падали на ходу, засыпали, приходилось будить их, тормошить, применять не только понятные всем мать-перемать, но и физическую силу – они вставали, двигались дальше и выполняли задачи. Паники не было, как не было стога, нытья – группа упорно шла к намеченной цели, успешно вскрывая объекты в назначенной полосе ведения разведки.

За двенадцать километров до базы мы встретили разведывательную группу гвардии лейтенанта Ивана Прохора – разведчиков 350-го гвардейского парашютно-десантного полка. У Ивана солдат сломал лыжу, упал от усталости, больше не мог двигаться. С Прохором приняли решение: я поведу на базу обе группы, а Иван понесет своего разведчика на себе. Оставившись нельзя, мороз доходил до минус 40 градусов. Вперед и только вперед! К обеду мы вышли к базовому лагерю. Через пару часов Прохор вынес разведчика на своих плечах живым и здоровым, парню была оказана первая медицинская помощь.

На учебных занятиях мы преодолевали сильнейшие нагрузки, но у нас было четкое понимание – только обстановка, максимально приближенная к боевой, может натренировать организм к сопротивлению, возможности выжить в сложнейших условиях. Как нам это пригодилось в Афганистане! А он был не за горами – за РЕЧКОЙ, в высоких штабах уже разрабатывались планы, наносилась обстановка на карты по оказанию интернациональной помощи... Вдоль советско-афганской границы до штатов военного времени разворачивались части и соединения, нацеленные на Афганистан, а мы, разведчики, постигали науку войны в учебных боях и походах.

Переходы длились несколько суток – длинные, изнурительные, мы не «засветились» контрразведывательным группам «противника», вскрыли объекты, о чем условным шифром по радио я доложил на базу. Восстановив силы в одном из коровников сельхозугодий Белоруссии, я повел группу дальше. Впереди еще было много часов тяжелого пути, который необходимо пройти, и провести мероприятия, чтобы не быть обнаруженным условным противником. Маскировали следы лыж, сапог.

Общая задача разведывательной группы обычно делится на этапы, каждый из которых требует определенного времени на выполнение. Командир в интересах выполняемой задачи рассчитывает временные показатели для использования возможностей группы в получении конечного результата. Главное – не повторяться! Ни в чём: ни в выборе маршрута движения, ни в способе захвата объекта, ни в методике его уничтожения. Анализ полученной информации по задаче командир группы проводит лично для себя – начальнику разведки, у которого одновременно работают 8–10 групп, мои выводы, возможно, не нужны, потому что аналитические исследования проводит разведывательный отдел соединения на основе совокупных данных, полученных из разных источников, разными группами, в разное время и в разных районах.

Другое дело, если требуется уточнить достоверность той или иной разведывательной информации, то и мне придется таким же методом проводить сбор дополнительных сведений.

Разведка – постоянное творчество, которому нужна и удача, везение, а, чтобы удача была удачной (извиняюсь за каламбур), ее нужно добиваться, вырывать у врага. К этому ведет долгий путь, его необходимо пройти через пот и изнеможение, ставя организм в самые невыносимые для человека условия, и преодолевать их на пределе возможного, что достигается путем системных тренировок. Я сам себя тестировал, проверял, расчеты привязывал к реальной обстановке, приходя к наиболее разумным выводам – разведчик должен обладать способностью быстро ориентироваться в обстановке и ставить обстоятельства на службу себе, при этом всегда поддерживать профессионализм в соответствующей форме.

Глава 2

Лето 1979 года для разведчиков дивизии было характерно тем, что разведывательные подразделения соединения отрабатывали совершение прыжков с парашютом из самолетов военно-транспортной авиации, проводили учебно-боевые мероприятия по ведению разведки с переходами на большие расстояния. Разведка применялась в действии по полной программе: офицеры, прапорщики в семьях бывали нечасто, забегали иногда на ночь, чтобы привести себя в порядок, «отметиться» в семье и отбыть в леса Белоруссии. В этот период стало известно, что в августе разведчикам соединения предстоит участвовать в стратегических учениях Белорусского военного округа с практическим десантированием с малой высоты и решением разведывательно-диверсионных задач в тылу условного противника. Началась кропотливая подготовка к учениям: отработка степеней боевой готовности с выходом в районы сосредоточения, ожидания, швартовка техники, подготовка ее к десантированию, изучение объектов вероятного противника, укладка парашютов и парашютных систем. Решалось множество других организационных вопросов.

Началом подготовки к важнейшим учениям явилась отработка задач летнего разведывательного выхода. Насыщенный план мероприятий учитывал направления деятельности, которые необходимо было отработать в полевых условиях – длительные многокилометровые переходы с вскрытием объектов условного противника, его средств ракетно-ядерного нападения, командных пунктов, штабов, аэродромов. В базовом лагере «Лосвидо» планировалось выполнение упражнений из всех видов вооружения, отработка задач по вождению боевых машин. Не менее важным являлась тренировка нормативов по защите от оружия массового поражения, физическая, работа на средствах связи. На коллектив разведчиков легла огромная нагрузка и ответственность в решении задач предстоящих учений. С одной стороны, мы были обязаны закрепить достигнутые результаты весенней проверки, с другой – не ударить лицом на важнейших маневрах Белорусского военного округа и качественно подготовиться к сдаче осенних испытаний.

В установленное штабом соединения время «Ч» разведывательные подразделения дивизии были подняты по учебно-боевой тревоге. После подготовительных мероприятий мы совершили марш-бросок в район базового лагеря, где завершили работу к проведению разведывательного выхода. На воздушно-десантном комплексе офицерский состав роты провел предварительную подготовку личного состава для совершения прыжка с парашютом. Прыжок готовился из самолета Ил-76М с оружием и снаряжением. С учетом задачи прыжка офицеры тренировали разведчиков к его совершению: каждый солдат, сержант получил не менее чем хорошую оценку за практические действия.

Ранним утром на машинах прибыли на аэродром «Северный» города Витебска. Зашвартовав оружие и снаряжение, прошли линии контроля, загрузились на борта. Взлет прошел нормально, вышли в эшелон. Перестроившись в боевой порядок, самолеты заняли коридор и последовали в район десантирования. Вроде бы все как всегда, но теперь много раз отработанные действия необходимо было применить практически, выполнить в комплексе поставленных задач. По изменению режима работающих двигателей чувствуем – идем на снижение. Огромный Ил выходил на боевой курс, гасил скорость, дрожал, проваливаясь в воздушные ямы – самолет неустойчив при выходе на скорость выброски десанта.

Свистящий гул турбин становился тише, на лицах десантников чувствовалось напряжение. Выпускающие прошли по бортам, проверив зацепление карабинов камер стабилизирующих парашютов. Волновался инженер по десантному оборудованию: пристегнувшись в кресле, поворачивал голову на левый и правый поток десанта. В момент десантирования экипаж самолета испытывает сильнейшую психологическую нагрузку, ответственность за точность

выброски парашютистов огромна. Выпускающим мне часто приходилось заходить в кабину экипажа и видеть напряженные, сосредоточенные лица тех, кто доставлял нас в район десантирования. Летчики рассказывали, что за одну выброску десанта они иногда теряли по несколько килограммов собственного веса. Не сомневаюсь, я видел экипажи при выброске десанта.

Команда «Приготовиться»: парашютисты встали (выброска в один заход), поправили ножные охваты, оружие, правую руку положили на вытяжное кольцо, левая придерживала запасный парашют. Кое-кто глазом косил на пристегнутый к тросу карабин камеры стабилизирующего парашюта. Рампа открывалась медленно. Если находиться возле нее, можно насладиться изумительным видом панорамы земли. Распахиваются двери, и поток возмущенного воздуха врывается в отсек самолета. Наступает высшая степень напряжения – команда «Пошел».

После приземления мы действуем в рамках задачи парами, тройками, в составе группы. С этого момента успех выполнения учебно-боевых вопросов зависит от личных качеств командира, индивидуальной подготовки каждого разведчика, а в целом – от боевой слаженности группы. Специальные мероприятия разведчиков в летний период выполняются с меньшими морально-психологическими сложностями. Несмотря на то, что среднесуточный переход в полосе разведки может составлять до 60 километров, теплое время года снимает многие проблемы жизнеобеспечения группы. Важнейшим условием подготовки разведчиков является тренировка на выживание в тяжелейших условиях при максимальных физических нагрузках. Снаряжение разведчика со штатным оружием при действиях в автономном режиме весит до 30 килограммов. А возьмем пулеметчика, гранатометчика с боекомплект? Конечно же, коллективное оружие, радиостанцию несут по очереди, но в реальных боевых условиях так не всегда получается. Один из принципов разведки звучит: «Все мое – со мной».

Очень важна маршевая втянутость разведчиков, которая воспитывает способность организма к преодолению тягот и лишений при выполнении задач в тылу противника. Поэтому одна из целей разведывательного выхода – тренировка выносливости у каждого разведчика в отдельности и группы – в целом. Скажу сразу, что это главный физический параметр, которым должен обладать разведчик – остальным премудростям разведки я научу с меньшими проблемами.

Отрабатываю с группой самый неблагоприятный вариант для разведчиков – засадные действия условного противника. Засада – это заранее подготовленные мероприятия с выбором места проведения и нанесением максимального урона живой силе, технике противника, захватом пленных и образцов вооружения. В этом случае за противником главная составляющая – внезапность и мы можем оказаться в самом невыгодном для себя положении. Конечно, свои жизни мы просто так не отдадим, в разведке это второстепенный фактор. Главное – задача, которую надо выполнить. Второстепенность жизни для разведчика при выполнении боевого задания, может, кто-то опротестует и, возможно, будет прав. Но, уходя на задание в тыл противника, мы оставляем на базе не только свои имена, документы, знаки различия, но и любую принадлежность к разведке – в тыл противника уходят тени. Других в разведке не надо, других и не берут: разведке нужны люди, готовые на самопожертвование во имя поставленной цели. В Афганистане, когда я работал с группой в тылу противника, рядом со мной всегда находился связист и санинструктор, которым я ставил задачу: в случае возникновения опасности моего попадания в плен – меня уничтожить. Два человека в группе официально отвечали за то, чтобы их командир живым врагу не дался. Разведчики должны драться до последней минуты жизни и не сдаваться. Почему? Ниже об этом будет много рассказано, столь много из того, что до сих пор преследует разведчиков бессонными ночами – воспоминаниями страшной яви, жуткими сновидениями, так похожими на явь, от которых просыпаются в холодном поту.

Важно понять, что противник на своей территории, знает местность, коварен, хорошо вооружен и жаждет уничтожить врага. Мы – разведка и нам не позволительно умирать даже

геройской смертью, для нас этого мало, потому что наш героизм как раз и заключается в том, чтобы выполнить задание командования и остаться в живых. Погибнуть в тылу противника несложно – один неверный шаг и «духи» порубят на куски, которые потом разбросают собакам. А вот вернуться на базу живым, решив вопросы задачи, это зачастую подвиг, поэтому своих парней наставлял:

– Запомните, разведчики, за живучесть группы боремся вместе и каждый в отдельности. Для нас главное – задание. Кто не согласен со мной, пишите рапорта в парашютно-десантные подразделения.

Один из главных принципов разведки при работе в тылу у врага – не встречаться с противником, если эта встреча не предусмотрена заданием. Наша цель – конкретная задача, она и только она должна выполняться точно и в срок. Если мы обнаружим себя, то даже захват «языка», документов, вскрытие объекта будет напрасной работой: противнику ясно, что мы располагаем информацией о нем, и он поменяет планы своих действий, перегруппирует силы, средства – раскроется интерес нашего командования к тому или иному объекту. Специалистам не составит труда проанализировать ситуацию, чтобы понять – а что же нас интересует? Цель наших действий не будет достигнута, задача не выполнена, планы командования, за которыми стоят сотни и тысячи солдат, офицеров, не реализуются, что приведет к невосполнимым потерям.

Тем не менее, действуя на территории, занятой врагом, мы всегда готовы к встрече с ним, каждый разведчик в группе знает свою роль, задачу, если непредвиденная встреча с противником всё же состоится. Буду тысячи раз ссылаться на Афганистан: тактику действий, наработанный опыт в лесах Беларуси мы перенесли туда, конечно же, с учетом специфики горной местности. Слава Богу, в Афганистане судьба предоставила нам, разведчикам, немного времени для жестких тренировок в горах, прежде чем ввязаться в серьезную драку, до которой оставалось всего-то полгода.

Отрабатываю места наиболее вероятной встречи с условным врагом, порядок действий, ухода на другое направление. Населенные пункты, места возможной встречи с местными жителями миновать стороной. В реальных боевых условиях случайная встреча с жителями недопустима, если такое случилось, от них избавляются разумно. Опять же, это ставит под срыв выполнение боевой задачи: жители могут хватиться, искать, и ситуация, казалось бы, из ничего особенного может развиваться до откровенно опасной. Действия разведчика – это творческая работа, требующая осмысленного подхода к любой мелочи, поэтому все должно быть максимально взвешено и продумано: думай, командир, думай.

Для офицеров-разведчиков существует важный параметр – живучесть разведывательной группы при выполнении специального задания в тылу противника. Десятки боевых разведывательных и других операций, проведенных мной в Афганистане в качестве командира разведывательной группы, разведывательной роты, позволил прийти к следующему выводу. Если деятельность командира при подготовке к боевой задаче, ее выполнение, возвращение на базу взять за условные сто процентов, то тридцать процентов усилий мной отводилось на подготовку и выполнение самого задания, а семьдесят – на то, чтобы вывести группу из-под удара и благополучно прибыть на базу. Предлагаю внимательно проанализировать заявленную пропорциональную зависимость, которую я вывел на практике и следовал ей в афганских горах и «зелёнке», четыре года командуя разведывательной группой, разведывательной ротой, парашютно-десантным батальоном, отдельным гарнизоном. Ниже я буду освещать и анализировать действия разведчиков в боевых операциях. В них со мной воевали реальные люди, которыми мне посчастливилось командовать на афганской войне. Прошло много лет с тех памятных пор, но я горжусь нашими боевыми делами! И всех своих разведчиков я сохранил!

А пока об учебной задаче, которая стояла перед нами в условном тылу противника. Она заключалась в следующем: разведывательной группе выдвинуться в район (указывались его

координаты) с целью обнаружения и вскрытия узла связи, в последующем провести диверсионные действия по его захвату и уничтожению. Объект занимал территорию, которая усиленно охранялась по всему периметру, в том числе внутри его самого. В составе узла связи имеется несколько десятков специальных машин для организации связи УКВ, КВ-диапазонов, радиорелейной, кабельной, тропосферной. Например, радиорелейная станция Р-404 имеет три тяжелогрузных машины: одна под аппаратную, другая под антенное устройство и третья под силовую установку автономного питания. В общей сложности таких станций может быть до 10 единиц и множество радиостанций меньшей мощности. Узел связи обеспечивает связью части и соединения условного противника, управление его войсками, тылом группировки. Для нас важно провести разведку с целью выявления охраны, обороны объекта, его элементов, состава, принадлежности, а также прикинуть возможные варианты захвата и уничтожения. Одной разведгруппой мы можем захватить один-два элемента узла связи, отдельные его фрагменты, но затем придется героически сложить головы. Если такое развитие событий устраивает командование, всё так и будет. Мне, командиру, останется только определить главный элемент узла связи, поставить задачу разведчикам и вперед – на подвиг, в бессмертие. Всё это будет: и враг, и война, и раненые, убитые... Сейчас в учебных целях не страшно проиграть бой, попасть в засаду и даже в плен, просто будет обидно, если это случится. Мы – разведчики и должны победить, применяя своё мастерство, закалку, выносливость, умение принимать решения и реализовывать их в сложнейших условиях.

Скрытно выдвигаемся в район размещения узла связи (по заданию это звучит так: узел связи предположительно находится там-то...). Командир группы обязан обладать аналитическим складом ума, чтобы по отдельным признакам прийти к заключению о положении его на местности. Множество сопутствующих факторов необходимо проанализировать, чтобы прийти к выводу о том, что данный объект находится в этом месте и координаты его такие-то...

Выдвигаясь к объекту внимания, нарабатываю вопросы внезапной встречи с противником, прикрытия группы, выноса условных раненых, убитых, ориентирование на местности. При выходе на объект тренирую разведчиков в комплексе мероприятий – «домашние заготовки» срабатывают, в целом, неплохо. Конечно, месяц занятий еще впереди, будем работать над ними, технику отшлифуем, но сейчас выбираю место на отдых. Сосновый бор – что может быть лучше, чтобы укрыться в яму под лапник и немного поспать? Вечер приносит прохладу. Скрыв следы своего присутствия, замаскировались под ветки деревьев – два человека дозорные... Их тоже не видно.

Мне нравятся лесные массивы, которым отдаю предпочтение при выходе к намеченной цели. Я сибиряк, лес знаю хорошо и ориентируюсь в нем. Лесной массив скрывает движение группы, дает возможность безопасного отдыха, а при необходимости – устройства тайника, в котором остаётся в случае надобности часть снаряжения. В лесу меньше опасности налететь на засаду – врагу труднее просчитать маршрут движения группы, а встреча с противником разведчикам, ох как нежелательна, даже если исход этой встречи и не будет иметь последствий. Обсудим ситуацию: мы вышли на противника, контролируем его действия, можем захватить, уничтожить. Как поступить? Что предпринять? Нельзя торопиться, поддаваться эмоциональному всплеску! Надо помнить: командир разведывательной группы не должен отвлекаться от главной задачи, которую поставило командование. Предположим, вражеский генерал купается в озере под охраной нескольких человек – на берегу портфель с документами. Захватить ценного «языка» «без шума и пыли» подмывает, аж зубы сводит: уберем ножами или расстреляем из ПБС охрану и в результате возьмем серьезного носителя информации. Схватить такого «языка» привлекательно? Конечно! Но не станет ли он помехой в дальнейшей работе по выполнению главной задания? Это творческий подход командира разведчиков в принятии решения, элемент, который может осложнить в последующем выполнение главной задачи. Значит, захват генерала с «мешком» документов – помеха в ее выполнении. Командиру группы необходимо

ориентироваться в общей обстановке, анализировать ситуацию в целом, взвесив все «за» и «против». Только потом принять, может быть, единственное правильное решение – оставить ко всем чертям генерала с документами и выполнять то, что поручено.

Преодолевая километры лесных угодий, болотистых мест, следовали утвержденным маршрутом. В очередной раз я провел оценку местности, путей подхода, впрочем, мы, похоже, у цели. Чтобы убедиться в этом, я разделил группу на три подгруппы, чтобы каждая из них провела доразведку. Характер обстановки, движение специальных машин, личного состава, наличие других признаков приводит к мысли о том, что объект перед нами. На предварительные действия уходит много времени, а задача выполняется в рамках жестких временных показателей. Опоздаем на 10 минут – наша информация для командования потеряет весь смысл и наши усилия, связанные с риском для жизни, будут напрасны.

Анализирую недостатки, вношу коррективы. Первый успех, конечно, радует: за плечами зимний опыт ведения разведывательных действий, но молодое пополнение только что втянулось в ритм боевой учебы. Для него летний выход – первый шаг к экзамену на зрелость разведчика. Пока – молодцы! Принимаю решение сменить дозорных. Другим разведчикам также необходимо поработать в этом качестве. Даю возможность Баравкову самостоятельно действовать старшим дозорным, хочу посмотреть его в деле: как чувствует маршрут, анализирует обстановку, принимает решение. Через 6–7 километров в лесной чаще, подальше от людских глаз, организую отдых. По июньской жаре пройдено около 45 километров, устали, перед работой ночью необходима разрядка.

Темное время суток для разведчика – благо: достигается большая скрытность выхода к цели, улучшается качество связи. Правда, сложнее ориентироваться на местности, но с опытом и это проходит. В подсознании включаются многие признаки, служащие ориентирами не хуже, чем днем: контуры ландшафта на фоне горизонта, лай собак, запах дыма, населенные пункты, звезды, свет фар, шум транспорта. Признаков опытному командиру группы, разведчикам вполне хватает, чтобы не потеряться в ночной прохладе. Приборы ночного видения также хорошие помощники в ночных операциях. В летний период ночью очень удобно выдвигаться в прохладе озер, поэтому я делал так: вечером устраивал привал, около полуночи подъем – и дальше вперед. До наступления жары хороший рывок, при этом нами преодолевалось значительное расстояние. Затем отдых. В ночь опять переход до очередного привала. Так, пробираясь лесами и болотами, мы шли к очередной цели своего задания.

На следующий день по плану разведывательного выхода разведчики приступили к практическим стрельбам из вооружения БМД-1, стрелкового оружия. Отработав днем, переходили к ночным тренировкам, что значительно сложнее. Танкодром был готов для вождения боевых машин, параллельно шли тренировки в выполнении нормативов по защите от оружия массового поражения, военной топографии, разведывательной подготовки. Плотный насыщенный график занятий дополнялся прыжками с парашютом – так незаметно проходил месяц активной учебы в реальных условиях. Последний марш-бросок из «Лосвидо» в «Зеленый годок», который принял нас радостным шелестом деревьев.

Начальник разведки Удалий с командиром роты Пащенко подвели итоги разведывательного выхода. Прошли общие, комсомольские собрания взводов, роты. Для себя я тоже подвел итоги: с листочком бумаги и карандашом в руке разбирал работу каждого разведчика. У меня их 13 человек – разных по призыву, характеру, индивидуальной подготовке, но все показали себя достойно. Были, конечно, недостатки в учебном процессе, но и они служат для шлифовки качества работы. Мысленно проиграв выход в леса Беларуси, практическую работу, я остался доволен: молодежь показала хорошую маршевую втянутость, грамотные действия, обошлись без травм. При отработке нормативной базы, упражнений по огневой подготовке, вождению боевых машин разведчики закрепили практические навыки. К предстоящим учениям, сдаче осенней проверки мы были готовы. Расчет времени показывал: после учений приведем тех-

нику, вооружение в порядок, поставим в режим хранения, затем приступим к сдаче итоговой проверки управлению командующего воздушно-десантными войсками. После чего солдаты, сержанты, призванные на действительную военную службу осенью 1977 года, уволятся в запас. Примем в роту призыв осени 1979 года, подготовим, испытаем его зимним разведывательным выходом, а там и весенняя проверка не за горами. Цикл подготовки разведчиков повторялся из периода в период одними и теми же базовыми задачами.

Подготовка к учениям проходила в активной фазе – без раскочки. Командование соединения отводило разведке дивизии особую роль. По замыслу учений первого этапа 80-й отдельной разведывательной роте предстояло десантироваться с высоты 400 метров на водную переправу через Неман и уничтожить ее с целью предотвращения подхода танковых резервов противника. В последующем разведке дивизии необходимо было провести диверсионные действия по нарушению управления войсками и дезорганизации работы тыла противника.

Готовились с учетом поставленных задач на воздушно-десантном комплексе: Иван Комар, командиры взводов обучали разведчиков совершению прыжков с парашютом с малой высоты. Новую управляемую парашютную систему Д-6 мы освоили, она получила высокую оценку личного состава. Провели занятия по швартовке оружия, снаряжения, тренировали разведчиков в ведении огня из автоматов по наземным целям при спуске на парашютах, элементы прыжка отрабатывали до автоматизма. В дальнейшем совершили прыжки из самолетов Ан-2, Ан-12, Ил-76М, которые показали, что разведывательная рота к этапу десантирования готова.

Параллельным методом готовили технику. Боевую группу, находившуюся на хранении, проверили на готовность к десантированию на реактивных системах ПРСМ-915. Учебно-боевая группа БМД должна была совершить марш с преодолением водной преграды. Большой объем работы в этом направлении проделал Петр Слободов, старший техник роты. С механиками-водителями он провел занятия, инструктажи, которые способствовали успешным действиям на учениях.

Много времени уделили разведывательной подготовке. Прошедший разведывательный выход был неоспоримым подспорьем в решении задач на предстоящих учениях. Активно проводилась партийно-политическая работа: выпускалась ротная газета, боевые листки. Политические занятия проводились Владимиром Николаевичем Гришиным, заместителем командира по политической части, он «закрутил» роту морально-психологической подготовкой, но разведчики не унывали – были бодры, веселы, энергичны и в своих возможностях не сомневались.

Как всегда, сигнал «Боевая готовность – повышенная» от оперативного дежурного штаба дивизии поступил неожиданно. Карусель учений закрутилась, но без суеты и нервозности – рота в установленном временном нормативе покинула военный городок. Офицеры отдела боевой подготовки штаба воздушно-десантных войск контролировали проводимые мероприятия в районах сосредоточения и ожидания. До нас довели, что учения «Неман-79» проводит лично Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. В районе ожидания мы привели в порядок оружие, снаряжение. Командный состав был готов получить учебно-боевые задачи.

По замыслу командования Белорусского военного округа 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия задействовалась в качестве условного противника для частей, соединений округа, принимавших участие в учениях. Командир дивизии, которому несколько дней назад было присвоено воинское звание генерал-майора, изложил общий замысел и задачу учений. 80-й отдельной разведывательной роте было приказано десантироваться парашютным способом в 30-ти километрах южнее Лиды с последующим захватом и уничтожением водной переправы через Неман. После чего в составе двух разведывательных групп под командованием гвардии лейтенантов Марченко и Ленцова обнаружить армейский узел связи и диверсионными действиями нарушить управление войсками условного противника. В последующем

нам ставилась задача разведки его танковых резервов, выдвигающихся навстречу нашим войскам, наступающим с фронта. Командование ВДВ заслушало командиров частей по вопросам уяснения боевой задачи, оценки обстановки, принятия решений. Командирам всех степеней ставилась оценка, делались выводы о дальнейшей службе.

В установленное время марш-броском в составе роты мы прибыли на аэродром взлета «Журжево» и готовились к десантированию. Полк Ил-76М военно-транспортной авиации, дислоцировавшийся в Кедайняе Литовской ССР, совершил посадку в «Журжево» и сразу же началась загрузка в самолеты боевой техники, проверка парашютистов на линиях контроля. Группы захвата – моя и Ленцова – летели в первом самолете. Мы с Александром в качестве выпускающих проверили парашюты разведчиков, швартовку оружия, снаряжения. После закрытия рампы инженер по десантному оборудованию проинструктировал нас по сигналам управления, с приветствием к десанту на борту выступил командир экипажа. Вскоре послышавшийся свист реактивных турбин возвестил о том, что тяжелый Ил порулил на взлетную полосу – линию старта. Упершись ногами в пол самолета, мы придерживали друг друга, чтобы не свалиться с дюралевых скамеек. Рывок! И самолет понесся по взлетной полосе, кидая парашютистов-разведчиков назад мощной силой инерции. Достигнув взлетной скорости, самолет, оторвавшись от «бетонки», выходил на высоту, откуда удивительной пейзажной картиной внизу поплыла земля с квадратиками полей и населенных пунктов. Свист турбин постепенно перешел в мерный гул идущего вверх корабля, занимающего в боевых порядках свой эшелон.

У самого «сосало» под ложечкой, холодком отдавало в груди. Вроде бы все отработано, но обеспокоенность имела место. Волнение? Конечно! Как десантируемся с малой высоты? Не упадем ли в прохладные воды Немана? Достигнем ли внезапности при захвате переправы? Успех зависел от быстрой и синхронной работы групп захвата. Но опять же, что за противник? Характер его действий? Насколько способен противостоять лихой атаке с небес? Много неизвестных! Разведка – это творчество и действовать приходилось в обстановке, выраженной фразой «ввяжемся в драку, а там разберемся».

Зажмурив на секунду глаза, я собрался, встал, улыбкой подбодрил разведчиков, показывая рукой, что надо поправить ножные охваты. Молодцы, так держать! Занял место выпускающего левого борта, проверил разделитель потока – инженер по десантному оборудованию зацепил карабин моего парашюта за удлинитель. Разведчики, пригнувшись, уперлись плечом и головой в парашют впереди стоящего десантника, изготовились к прыжку. Медленно открылась рампа – рвануло прохладой вперемежку с керосиновой гарью. Самолет выходил на скорость выброски десанта, его бросало в стороны с провалами в бездну. Открылись боковые двери – внизу в серой дымке плыла земля. Голубая лента Немана, извиваясь по равнине, пряталась в лесных массивах. Сирена! Зеленый разрешающий сигнал.

– Пошел!

Хлопнул по плечу Иванова – Борис тут же исчез за бортом самолета. За ним в серую бездну рванул поток парашютистов. Я следил за карабинами камер стабилизирующих парашютов – нет ли упавших разведчиков, был в готовности прекратить выброску десанта в случае нештатной ситуации. Все нормально, последний разведчик пошел, и я за ним ринулся в пучину воздушной стихии. Мощнейший удар воздушного потока понес к земле. Отсчитав привычные секунды падения, вырвал кольцо основного парашюта – провал, хлопок купола над головой, динамический удар и тишина. Огляделся – в порядке. Неман плыл под ногами, вот она цель – переправа. Взглядом схватил панораму земли и объект захвата. Первые разведчики, приземлившись рядом с ней, освобождались от подвесных систем. Те, кто еще был в воздухе, вели автоматный огонь по охране. Выбрав точку приземления (только бы не угодить в воду), приземляюсь на песчаном берегу. Секунды – и я у понтона, на котором сгрудились обалдевшие солдаты охраны. Пара очередей в их сторону холостыми патронами – главное – «зашкалить» ребят из пехоты, и я у группы минирования. «Шираз» – имитатор разрыва снаряда заложен,

горит фитилек огнепроводного шнура. Сигнал: «Уходим». Едва слетели с понтона – взрыв: переправы нет. Зафиксировал время: от начала выброски прошло не более семи минут – ближайшая задача выполнена, внезапность достигнута, по времени сработали быстро, травм нет. Посредник с белой повязкой на рукаве поднятой рукой подтверждает уничтожение объекта условного противника.

Но успех смаковать рано, надо оторваться от возможного преследования. Увожу группу в отрыв в западном направлении – условный противник придет в себя быстро, организует погоню. Для него потеря переправы через Неман – огромный минус, неуспех на серьезном этапе операции. Пятикилометровый бросок в лесной массив разгорячил – привал, перевели дыхание, оценил обстановку, наметил порядок дальнейших действий. Следующий объект – армейский узел связи. Изучив местность по карте (напоминаю: карта в разведке – исключение, берется только в учебных целях), определил точку своего стояния, проанализировал обстановку. До района следующей задачи около 15-ти километров, не сомневаюсь, противник, учитывая факт уничтожения переправы, понимает – она не единственный объект диверсионной группы. Ему не сложно просчитать, что очередным объектом атаки будет узел связи, и примет меры к противодействию. Действовать надо дерзко и стремительно. Но как сократить время выхода на следующий объект? Ответ напрашивался быстро – транспорт. Взгляд на карту – рядом населенный пункт, фермы, значит, есть трактора с тележками, что очень знакомо по-зимнему разведвыходу. Разведчикам Семенову и Сокурову поставил задачу: спортивные костюмы – деревня – трактор.

Через 20 минут раздался треск двигателя МТЗ из соседнего колхоза. Разведчики в секунды разместились в тележке, я сел с водителем – в тесноте, да не в обиде. Выехали на трассу, где я проверил напряженность шоссе по движению транспорта. Что за машины: гражданские, военные? Общее направление – к объекту разведки. Через некоторое время я отметил несколько специальных, радиальных машин, свернувших в направлении зоны внимания, ну, что ж, посмотрим – следуем за ними.

Появились первые антенные устройства – много, но почему-то не было шлагбаумов, патрулей, табличек с надписями: «Запретная зона». Объект реальный? Или ложный? Как-то все гладко получается: переправа и легкий выход на «нерв» армии... Появилось и другое сообщение – элементарная безалаберность самого «интеллигентного» рода войск. Ну, что ж, проверим! Дал сигнал на спешивание. Разведчиков расположил у дороги, а сам на тракторе поехал дальше – никто не остановил, не спросил пропуск. А в районе располагался узел связи – настоящий, действующий – уж больно много сосредоточено специальной техники с различными антенными устройствами. Это не могло быть имитацией объекта! Но необходимо уточнить, убедиться в правильности своих выводов. Я возвратился на тракторе к скрытой у дороги группе. Поблагодарив тракториста за помощь ВДВ, распрощался с ним крепким рукопожатием.

Время! К работе приступили двумя разведгруппами одновременно и постом радиоразведки Коробицына. Для начала замкнули накоротко проводные линии связи, проткнув обыкновенной иглой кабель П-274. Часть кабеля вырезали по длине, а концы разнесли в противоположные стороны и закинули на деревья. Пусть ищут. Одновременно подготовили десятка два взрывпакетов, пару «Ширазов», привязав к ним спички. Вышли к озеру, где сосредоточилось множество радиостанций, а «господа офицеры» войск связи в «купальных костюмах» загорали на берегу. По команде бросили взрывпакеты в скопление техники, радиостанций, личного состава – свыше десятка взрывов разорвали тишину. Затем длинными очередями из автоматов «обработали» узел связи, при этом каждый разведчик израсходовал по магазину холостых патронов. Взрывы пакетов, бешеная стрельба вызвали панику, крики, бестолковые команды офицеров «противника». Не говорю про мат-перемат – всего было достаточно. Но мы были уже в отрыве.

Сделав бросок в полтора-два километра, я объявил привал. Связался по радиостанции с Сергеем Коробицыным. Тот смеялся:

– Послушал бы эфир, Валера, там черт знает, что творится, «противник» дезорганизован, управление войсками утеряно, им поступила команда на поиск диверсантов, но кто их будет ловить, никто не знает.

– Понял. Пусть побегают, это им не киношка «Зона особого внимания».

Ночь прошла спокойно. «Наверное, никому не нужны диверсанты», – подумалось мне. Что ж, посмотрим. По радио пришла радиограмма, в которой уточнялась работа по третьему этапу учений: вскрыть возможный подход танковых резервов противника. «Привязав» карту к местности, я размышлял о том, как лучше действовать, где «противник» может скрыть свой танковый резерв. Получалось так: танки вышли на исходный рубеж для атаки. В решающий момент «противник» введет их неожиданно в бой, в чём и заключалась изюминка, против наших наступающих войск. Они решат исход победы. Но где они пойдут? «Вот в чем вопрос», – как сказал бы классик.

Вышли к дороге походной колонной, мы – «комендантская служба», регулируем график прохождения колонн военной техники. Движемся по обочине в сторону возможного нахождения скрытых танковых резервов. Заодно фиксируем номера военных машин, которые движутся в обоих направлениях. Подспудно инструктирую разведчиков о порядке захвата транспортного средства. Впереди показалась радиийная машина. Расчет произведен: группа захвата, прикрытия, обеспечения. Отработан резкий уход в лес, вплоть до ситуации, когда разведгруппа разделится на подгруппы, каждая из которых самостоятельно выполняет задачу до выхода в базовый район. Илья Семенов красным флажком сделал машине отмашку с требованием остановки у обочины дороги. Наши маскхалаты, конечно, необычная для других родов войск одежда, но расчет на внезапность, неожиданность. Пока водитель и старший машины соображают, они окажутся в наших руках. Так и получилось, правда, не совсем, как хотелось: машина действительно, притормозила, прижалась к краю дорожного покрытия. Я разглядел в кабине офицера, успел даже подумать, что «язык» приличный. Машина почти остановилась, но его лицо вдруг перекосилось, он закричал что-то водителю, толкнув его в бок рукой. Взревев двигателем, машина рванулась вперед, едва не сбив ефрейтора Болотова. Облом! Да еще какой!

Уточнил по карте предполагаемый район танковой колонны, он оказался в стороне от нашей ориентировки. По предварительной информации танковые резервы противника должны находиться в 10 километрах северо-западнее этого района. Ладно, на то мы и разведка, чтобы добывать максимально объективную информацию. Вышли на танки. Не ошиблись местные пацаны – наши. И какие! Т-80 – совершенно секретные машины! Стояли на лесной дороге в колонне – до батальона. Танковый резерв усилен минными разградителями с навесным оборудованием. Много другой инженерной техники, радиийных, специальных машин. Впечатляет!

– Что будем делать, гвардейцы? – спросил разведчиков.

Они поняли: командир принял решение на захват «языка», осталось выбрать поприличней источник информации. Офицеров не видно, честно говоря, брать офицера в плен на учениях как-то некорректно по отношению к нему – все же свой брат-офицер. А вот солдат-танкист в замасленной «мобуте», вылезший из танка, наверное, как раз то, что надо.

Трое разведчиков в спортивных костюмах, работая по легенде, подошли к танковой колонне (они «местные парни», уволились весной из армии). Артисты!

– Привет, земля! Когда на дембель? – вопрос, который вышибет слезу у любого старослужащего солдата.

– Осенью, – ответил танкист, изучающе глядя на парней с короткой стрижкой.

– Ну, вот и отметим, – продолжали мои «лицедеи».

Через пару минут аккуратно упакованного танкиста принесли ко мне. Тут же дал команду Сафарову и Баравкову брать следующего «языка». Допрос «пленного» солдата длился не более

пяти минут: тактико-технические данные новейшего танка зафиксированы в памяти. Принесли второго «пленного», которого первый захваченный танкист не видел. Допрос я провел независимо друг от друга: второй оказался сержантом, рассказал о составе танкового резерва противника, званиях, фамилиях, занимаемых должностях командиров, количестве техники.

Записав данные военных билетов захваченных в плен танкистов, я выдвинул основную группу за болото – в безопасное место. Осталось немного: грамотно оторваться от возможной погони. Связист закодировал радиogramму и отправил ее начальнику разведки дивизии. Отпустив захваченных в плен восояси, мы сделали лихой бросок через болотистое место. Преодолев топь, вышли к группе, которую возглавлял Сафаров. Теперь нас уже точно не взять – гоняться за нами «противнику» бессмысленно.

В базовый район мы прибыли, как и полагается разведке, тихо, незаметно. Я доложил командиру роты и начальнику разведки дивизии о выполнении задания, отметив, что морально-психологическое состояние личного состава высокое, мы готовы выполнить любой приказ Верховного главнокомандования и ВДВ. После чего я получил распоряжение на приведение себя в порядок, организацию отдыха и подошел к нашим офицерам, которые ждали меня, чтобы поделиться событиями последних дней.

Азартный Ленцов рассказывал о «дефилировании» в форме майора войск связи и поставке задач часовым «противника» – где и как охранять порученные им посты. Сергей Коробицын поделился тем безобразием, которое творилось в эфире после «уничтожения» нами узла связи. Поведал о том, как он со своими технарями «вскрывал» радиосети «противника», настраивая наши радиостанции на его частоты. О том, как от своего имени отдавал приказы по радиостанциям командирам различных степеней, задействованных на учениях, после которых еще больше нарушилось управление войсками. Мы смеялись, шутили – несколько анекдотов рассказал Сашка Чернега. До афганской войны оставалось 4 месяца...

Крупнейшие учения Белорусского военного округа «Неман-79» показали высокую готовность личного состава 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Дерзкие, решительные действия разведчиков в оперативном тылу условного противника парализовали связь, управление войсками. Задействованные «противником» силы и средства для обнаружения нас, разведчиков, в том числе авиация, не позволили обнаружить и уничтожить разведывательные группы Ленцова и мою. 80-я отдельная разведывательная рота, укомплектованная боевой техникой, вооружением, материальными запасами, средствами связи и десантирования, оказалась способной выполнить поставленные задачи в автономном режиме. Морально-психологическое состояние личного состава было высоким! Такую оценку на подведении итогов учений «Неман-79» дал разведчикам командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

13 ноября 1979 года состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации разведчиков дивизии. Именно в этот период нам, дивизионным разведчикам, представили нового начальника разведки дивизии – гвардии майора Скрынникова Михаила Фёдоровича. Он пришел из 105-й Ферганской гвардейской воздушно-десантной дивизии, которую решением Генерального штаба Вооруженных сил СССР расформировали. Майор Удалий убыл в Рязанское высшее воздушно-десантное училище на преподавательскую должность. Новым начальником штаба 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был назначен гвардии полковник Петряков, сменивший на этом посту полковника Чернова, ушедшего старшим преподавателем в академию им. М. В. Фрунзе.

С этих событий градус атмосферы боевой и политической подготовки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии начал подниматься. Речь не шла об увеличении количества занятий по предметам обучения, интенсивности и качества их проведения – в воздухе витала напряженная обстановка, которую мы, офицеры, ощущали в повседневной деятельности. Новый начальник разведки дивизии майор Скрынников постоянно находился с нами,

офицерами, проводил занятия, беседовал, направлял наши действия в нужное русло. В дивизию прибыл начальник разведки Воздушно-десантных войск полковник Кукушкин – ветеран Великой Отечественной войны, который призвал нас, разведчиков, к необходимости собраться и быть готовыми к выполнению очень важных и неотложных задач. Тем не менее, его слова имели туманный смысл. Вроде бы он и хотел сказать нам что-то большее, конкретное, но далее общих фраз и положений дело не шло. Более того, полковник Кукушкин заявил нам о том, что на базе нашей 80-й отдельной разведывательной роты дивизии будет сформирован разведывательный батальон ВДВ в качестве экспериментального подразделения войск. Мы достойно показали себя на прошедших в сентябре учениях и у командования ВДВ были такие намерения.

Неуловимая атмосфера неопределенности создавала нервозность в офицерском коллективе. Напряженные взгляды командира, замполита говорили о том, что они знают что-то больше, но не могут сказать остальным офицерам. И вообще, накануне командир роты, командиры частей соединения ездили в секретную командировку. Куда? Зачем? Никто ничего не говорил, на лицах старшего офицерского состава была сосредоточенность, собранность, это чувствовалось во всем.

Вскоре поступила команда: офицерскому составу, прапорщикам сфотографироваться. Мы дружно сделали фотографии и сдали их в штаб дивизии, после чего пошли смутные, если так можно выразиться, разговоры о каких-то особых учениях. В начале декабря 1979 года стало известно, что в дивизию прибывает командующий ВДВ генерал армии Сухоруков. К приезду готовились в обычном для такого случая режиме. С офицерским составом подразделения начальник разведки дивизии Скрынников проводил беседы, совещания, на которых делал акцент на занятия. 10 декабря 1979 года с офицерами разведывательной роты продолжались мероприятия по изучению организации иностранных армий, разведывательной подготовке – материал давался под запись в секретные тетради. На следующий день по этим темам должны были состояться контрольные зачеты с участием начальника разведки ВДВ гвардии полковника Кукушкина. К концу рабочего дня начальник разведки дивизии довел план занятий на следующий день: 11-го декабря 1979 года. Вот он:

1–2 час. Тактическая подготовка, тема: «Общевойсковой бой»;

3–4 час. Разведывательная подготовка, тема: «Разведывательные признаки средств ракетно-ядерного нападения противника»; «Действия разведчиков при захвате и уничтожении объекта»;

5–6 час. ОМП, тема: «Уяснение задачи командиром подразделения при применении противником оружия массового поражения»;

Но плану занятий, намеченному на 11 декабря 1979 года, не суждено было сбыться – не получилось. Через несколько часов в него ворвалась афганская война, отложившая его выполнение на 9 лет 1 месяц и 19 дней...

Глава 3

...Легкий морозец сковал землю и мелкий снежок, накрывший ее, хрустел под ногами. Закончился очередной напряженный день учебных занятий. После 19-ти часов мы с Сашкой Чернегой возвращались со службы домой из «Зеленого городка». Завтра 11 декабря 1979 года, начальник разведки ВДВ полковник Кукушкин проводит контрольные зачеты по организации иностранных армий. Пиво пить не будем – надо собраться с мыслями. Автобус 15-го маршрута подъехал к площади Победы, мы вышли на остановке у Московского проспекта. Чернега, вспомнив очередной анекдот, посмеивался.

Офицеры дивизионной разведки выделялись среди остальных офицеров соединения особой формой одежды – зимними курточками стального цвета без погон. Нас можно было принять за егерей лесной охраны, железнодорожников, прокуроров – всех тех, кто носил форменную одежду. Но, видимо, не знал этого подгулявший крепышок на углу проспектов Черняховского и Московского – хотел затеять драку. Аккуратно уронили в сугроб перебравшего парня и пошли дальше.

Падавший снег веселил, молодость, задор, кураж расслабляли от служебного дня. У «Комсомольского» магазина мы с Сашкой расстались и пошли по домам. Через три минуты ходьбы – квартира, где я снимал комнату с семьей. С супругой поужинали, глянул новостную программу по телевизору. Начавшийся было фильм «Трактористы» усыпил, но звонок в дверь я услышал сразу. Привычно вскочив, открыл дверь: Борис Иванов – посыльный:

– Товарищ гвардии лейтенант, в роте «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!»

– Ты что, обалдел? – удивленно смотрю на солдата.

– Никак, нет, товарищ лейтенант – боевая тревога, – растерянно ответил ефрейтор.

– Ладно, лети в роту, я за тобой.

За пару минут оделся, схватил чемоданчик, положенный нам по тревоге.

– Когда вернешься? – спросила жена.

– К утру буду, – ответил я, подбегая к двери. (Почти не соврал, вернулся действительно утром... но через полгода)...

Время около полуночи, транспорт уже не ходил, но огонек свободного такси блеснул на площадке перед «Комсомольским» магазином.

– В «Зеленый городок», – бросил таксисту.

Машина лихо рванулась по Московскому, затем налево на проспект Черняховского в сторону Лучёсы и минут через пятнадцать я был у КПП военного городка, бурлящего ульем разбуженных пчел. Зрелище впечатлило: по тревоге в полном составе были подняты специальные части дивизии. Построения, команды, зачитывались списки личного состава, у казарм стояли под загрузкой машины. Разведчики под руководством старшины роты Николая Андрейчука привычно работали по плану боевой готовности.

В расположении роты я доложил о прибытии Гришину, исполняющему обязанности командира роты (Пашенко находился в отпуске, а Иван Комар работал с молодым пополнением в учебном центре). Владимир Николаевич мне приказал:

– Срочно в парк боевой техники, загружай боеприпасы в учебно-боевую группу.

Я обратил внимание на табло дневального по роте, которое высвечивало сигнал оповещения «БОЕВАЯ ТРЕВОГА».

– Володя, ты хоть что-нибудь объясни, – Гришин замахал руками:

– Валера, все потом, сейчас в парк и загружай боеприпасы! В 8.00 готовность к маршу.

– Куда?

– Орша, аэродром взлета – Болбасово.

– Понял, Владимир Николаевич, бегу.

К 7.00 11 декабря 1979 года 80-я отдельная разведывательная рота дивизии со всеми материальными запасами была готова к совершению марша на аэродром взлета Болбасово. Ровно в 8.00 колонна боевой техники, преодолев исходный рубеж, двинулась по указанному маршруту...

...Ровно гудели турбины огромного Ила, занявшего коридор эшелонем в 7200 метров. Самолет шел плавно, ему ничто не мешало в огромной армаде бортов следовать курсом на юг. Так, по крайней мере, думалось мне и моим разведчикам, перед которыми стояла задача захвата аэродрома Баграм с целью обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного парашютно-десантного батальона под командованием гвардии капитана Вадима Войцеховского. Ряд бортов из-за непогоды в Кабуле вернулись на аэродромы «подскока», задействованные десантом в боевой операции, но Баграм посадку давал. Моей разведывательной группе предстояло действовать на авиабазе Баграм без учета нахождения там каких-либо подразделений советских войск, о них мне при постановке боевой задачи не доводилось. Именно в этом контексте мне ставилась задача командиром соединения генерал-майором Рябченко в присутствии начальника штаба дивизии полковника Петрякова и уточнялась начальником разведки дивизии майором Скрынниковым перед посадкой группы в самолет.

В иллюминаторе темнело, внизу виднелись огни населенных пунктов.

– Джамбул, – произнес штурман, не отвлекаясь от множества приборов в полутемной кабине огромного лайнера.

Я, молча, любовался заревом большого города, оно угадывалось издалека, проплывая справа по борту. В кабине штурмана хороший обзор и наблюдать за уходом ясного дня с большой высоты одно удовольствие. Прошло около часа полета, впереди надвигалось зарево очередного города.

– Чимкент.

За бортом стемнело. Огни селений, малых и больших городов создавали неповторимую картину южной ночи. Яркий свет луны отражался в озерах и общий рисунок звездного неба, скопление огней до горизонта создавали неотразимую паутину гирлянд. Завораживало взгляд: самолет плыл под мерный рокот турбин. Заканчивался второй час полета.

– Но что это? – недоуменно вопрошаю у штурмана.

Ничего не пойму: внизу, где заливались электрическим светом города, а реки отражали звездное небо с луной, стало вдруг непроглядно темно. Словно неведомый кто-то прочертил РЕЧКОЙ, блеснувшей внизу, линию водораздела, между жизнью и смертью.

– Амударья – граница Союза Советских Социалистических Республик, – оповестил по громкой связи командир экипажа.

Нечто черное наплывало навстречу: окутывало, захватывало, поглощало темнотой и дрожью. Внизу ни огонька – непроглядная тьма. Луна в последний раз сверкнула в водах РЕЧКИ и пропала, словно утонула в ней. Знакомый холодок коснулся спины.

– Афганистан!..

Мощная армада самолетов военно-транспортной авиации с десантом на борту вошла в воздушное пространство страны, первой признавшей молодое советское государство. 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия в составе первого эшелона сил вторжения приступила к выполнению боевой задачи...

...Я расположился в кабине штурмана, наблюдая виртуозную работу специалиста высокого класса. Удивительно, штурман успевал одновременно делать множество операций: смотреть в локатор, сверять полетные карты, щелкать кнопками пультов управления, навигации, переговариваться с командиром экипажа. Делал он это все без суеты и лишних движений. В плавных движениях специалиста имела место профессиональное изящество. Я с восхищением любовался уверенной работой парня в летной куртке с меховым воротником.

По курсу полета была сплошная темнота, не видно привычных огней на земле – такое впечатление, как будто зависли в пространстве ночи. «Ночной полет», да и только», – подумалось мне, но о Сент-Экзюпери я больше не вспоминал, возможно, настроения наши не совпали с гармонией межзвездной романтики.

Я вышел в салон к разведчикам, спящим на тентах машин – пора поднимать.

– Сафаров, подъем, – толкнул в плечо заместителя.

Сергей проснулся, быстро вскочил:

Сосредоточенные лица парней не могли обмануть – летим в неизвестность, вызывающую трепет каждой клеточки тела, но все были собраны, как на многих учениях, которые вместе прошли в лесах Беларуси, и беспокойство, которое я видел в глазах разведчиков, было совершенно понятно.

Несколько часов назад мы, командиры разведывательных групп 80-й отдельной разведывательной роты, были вызваны к командиру дивизии генерал-майору Рябченко, от которого получили БОЕВОЙ ПРИКАЗ. Для меня боевой приказ комдива звучал следующим образом:

– Гвардии лейтенант Марченко.

– Я.

– Приказываю десантироваться в составе разведывательной группы на аэродром Баграм с целью захвата посадочной полосы и обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного батальона 350-го парашютно-десантного полка под командованием гвардии капитана Войцеховского. В последующем вести разведку в интересах передового отряда.

– Есть, товарищ генерал.

Все встало на свои места: схема элементов аэродрома, которую мне в Балхаше вручил начальник разведки дивизии, и есть тот самый Баграм, до которого осталось менее часа полета.

Устроившись по борту самолета, сверху машины, разведчики смотрели мне прямо в глаза.

– Внимание всем, до посадки 40 минут. Еще разок пройдем по задаче, не торопясь, мысленно проиграем свои действия, чтобы на земле не возникло проблем. Все понятно?

– Так точно, товарищ лейтенант.

– Тогда давай, Сергей: твои действия после открытия рампы.

– С Баравковым, Сокуровым, Ивановым занимаем позицию со стороны помещения охраны аэродрома, тем самым обеспечиваем выгрузку техники из самолета.

– Так. Сорбосы открыли огонь.

Сержант не смутился:

– Связываю охрану огнем, Болотов на БМД прикроет из ПКТ и орудия.

– Хорошо, Сергей, не забудь важный момент: двигатели самолета будут работать, не попадите под раздачу потока. Недавний случай, надеюсь, помните.

– Понял, товарищ лейтенант, – Сафаров слегка улыбнулся.

Ну, как же, господ офицеров сдуло реактивной струей при движении по аэродрому. Разве забудешь такое?

– Болотов, действия твоего экипажа? – вопрос командиру второго отделения.

– Выгружаемся, занимаем позицию в 30 метрах от самолета. Прикрываю группу Сафарова со стороны контрольно-диспетчерского пункта, – доложил сержант.

– Так, ясно. Не спускай глаз с зенитной батареи и держи ее, Болотов, под контролем.

– Понял, товарищ лейтенант.

– Как механики работают? – обратился я к старшему технику роты.

– Расшвартовываем технику, Валерий Григорьевич, машины выкатываем на бетонку, запускаем двигатели и занимаем позиции согласно расчету, – уверенно выдал Петро.

– Да, если какая-нибудь «коробочка» не запустится сходу, катите дальше от самолета.

– Понятно, Валерий Григорьевич.

– Хорошо. Проверить оружие, снаряжение, гранаты не трогать, запалы не вставлять, – дал последние указания перед посадкой в Баграме.

Двое «прикомандированных» к моей группе товарищей в солдатских курточках общались, наклоняясь к уху друг друга – вижу, довольны детальным уточнением задачи. Они – старшие офицеры военной разведки ГРУ Генштаба, находятся со мной по распоряжению высшего начальства, о чём меня информировал полковник Петряков в следующей форме:

– Марченко, с тобой будут два офицера разведки, тебе о них знать ничего не надо, но если возникнут вопросы по обстановке в районе десантирования, обращай к ним...

– Понял, товарищ полковник, – ответил я бодро начальнику штаба. Только о возможных проблемах и вопросах, которые могут возникнуть, Петряков ничего не сказал.

Три боевые машины десанта были пришвартованы цепями к полу самолета. Расстояние между их корпусами и скамейкой, на которой расположились разведчики, небольшое, много не походишь, не разомнешься – машины занимали все свободное место. Проверил крепление цепей – скоро посадка, проверка будет не лишней...

В сумраке мерцающих приборов штурман склонился над картами, только капельки пота на лбу выдавали собранность напряженной работы человека, ведущего корабль по сложнейшему маршруту. Светлеющие облака небосвода обозначили приближение огромного города, зарево которого постепенно надвигалось на нас.

– Кабул, – произнес штурман и потом уточнил, – ближе Баграм.

Я взглядом впился в огни городка, ставшего известным позднее на весь Советский Союз: Баграм.

Самолет, вздрогнув, вдруг стал проваливаться вниз. Потеря высоты была настолько мощной, энергичной – заложило уши, засвербело в носу. Последовавший следом крен с еще большей потерей высоты вызвал откровенно неприятные ощущения. Взгляд на штурмана – спокоен, как будто бы ничего не случилось. Значит, так надо! А самолет все падал и падал, кажется, целую вечность. Очередной разворот с бесконечным падением вниз перехватил дыхание, на лбу образовалась испарина пота. Когда же этому конец? Огни Кабула и Баграма плыли по кругу, но в плоскости горизонта находились уже несколько ниже. Следующий крен самолета в пространстве и мы вышли на полосу, она была перед нами в огнях навигации. Ух, вот это скольжение!

– Давай, командир, двигатели останавливать не будем, – крикнул штурман, на секунду повергнувшись ко мне.

Хлопнув его по плечу, я побежал к разведчикам – смотрят шальными глазами, пытаюсь понять, что же происходит? Махом прервал все вопросы:

– Через минуту посадка. Действуем по плану, уточнения по ходу задачи. Всем приготовиться!

Самолет коснулся бетонки – взревели реверсы заднего хода, гася скорость пробега. Инерция закончилась, поворот на рулежку, затем другой и самолет остановился у края бордюра. Рампа открылась, все разведчики знали свое место и действовали по отработанной схеме: установили накаты для техники, которую уже подготовили к выгрузке. Выскочив на бетонку, я огляделся, чтобы оценить обстановку. Темнота не смутила, главное я увидел: взлетная полоса была освещена и со стороны КДП много огней, в свете которых были видны всего пять-шесть человек, закутанных в одеяла. Они шли вдоль ограждения аэродрома без всякого любопытства к совершившему посадку самолету.

Группа Сафарова залегла на позиции и контролировала обстановку у командного пункта. Болотов со своим экипажем вытолкнул на бетонку БМД под номером 188. Машина по инерции откатилась от накатов, запустился двигатель, и она рванула прикрыть отделение Сафарова от КДП и казармы охраны аэродрома. Отделение Нищенко успешно выкатило боевую машину под номером 189. Запустив двигатель, она встала на рубеж прикрытия самолета со стороны зенит-

ной батареи. Моя командирская с номером 187 выкатилась следом, Слободов запустил двигатель, и машина усилила позиции прикрытия самолета. Четверо разведчиков помогли инженеру по десантному оборудованию убрать накаты, и самолет сразу же порулил на взлетную полосу. Я взглянул на часы – с момента посадки прошло 15 минут, а Ил уже мчался на взлет. Оторвавшись от полосы, лайнер исчез во мгле темного неба.

В наступившей тишине я оценил позицию группы, проверил связь и на командирской машине поехал в начало взлетной полосы, освещенной навигацией. Вылетев на «взлетку», по осевой линии рванул по ней на большой скорости, наблюдая ее состояние. Понятно, если наш Ил приземлился и нормально взлетел, то полоса свободна, но меня беспокоил другой момент. Посадку и взлет самолета слышали и видели афганцы-зенитчики, охрана аэродрома, поэтому я допускал такую возможность, что полосу могут заблокировать техникой или взорвать, что не позволит совершить посадку передовых сил десанта и поставит выполнение задачи под срыв.

До приземления батальона капитана Войцеховского оставалось минут пять. На боевой машине я пролетел до конца полосы – нормально. Занял позицию в центре боевого порядка группы, чтобы контролировать ее фланги. Практически сразу послышался гул самолетов: передовой отряд заходил на посадку. Первый борт, включив прожектора, коснулся полосы, следом второй, третий, порулили к месту разгрузки. Связавшись по радиостанции с Войцеховским, я ему доложил, что КДП и охрана под контролем, веду наблюдение и указал координаты позиции группы. Комбат уточнил мне задачу: об изменении обстановки докладывать немедленно.

Борта, выгрузив технику и личный состав, один за другим уходили на взлет. Передовой отряд 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии взял авиабазу Баграм под контроль без единого выстрела и был готов принять основные силы десанта.

Рассветное утро в Баграме поразило грандиозностью горного массива – вершины, покрытые шапками вечных снегов, взметнулись в лазоревое небо. Необыкновенная панорама природы восхитила взор, поразила воображение. Ее величие и красота отразились в памяти на многие годы вперед. Баграм! Сколько с ним мыслей живет до сих пор! Разве думалось в те минуты о том, сколько же крови наших парней прольется в этих горах и ущельях? Восхищение красотой заснеженных гор было настолько сильным и поглощающим, что я не сразу обратил внимание на позицию зенитной батареи афганцев. По брустверу ходил часовой, закутанный в одеяло, не обращая внимания на нашу боевую технику, стволы которой смотрели в сторону их зенитных орудий.

Войцеховский вызвал меня по радиостанции в штаб передового отряда, где передал приказ командира дивизии: в 12.00 совершат посадку три АН-12, в которые мне следует загрузить свою технику, личный состав и совершить перелет в Кабул. Борта прилетели вовремя, и мы приступили к загрузке боевых машин в самолеты. Через Войцеховского я доложил командиру дивизии о готовности к вылету, получив добро, попрощался с комбатом и через пятнадцать минут полета мы приземлились в Кабуле.

Совершив посадку в столичном аэропорту, я доложил командиру роты о прибытии своего взвода, разгрузили технику, пообедали и находились в режиме ожидания команды. Какой? Мы еще не знали, даже не представляли, что разворачиваются события мирового масштаба, в которых мы принимаем самое непосредственное участие. С офицерами роты обменялись впечатлениями, прогнозировали дальнейший ход развития ситуации, наше участие в ней. Затем последовала команда начальника разведки дивизии майора Скрынникова: командирам разведывательных взводов прибыть в штаб соединения, где командир дивизии генерал-майор Рябченко поставит нам боевые задачи.

Каждому командиру группы задача ставилась отдельно. Моей разведывательной группе было приказано: в составе трех боевых машин выдвинуться четыре километра севернее Кабула на рубеж отдельной цепочки холмов и занять позицию вдоль дороги, ведущей в столицу Афганистана. В дальнейшем имеющимися средствами предотвратить вход в Кабул мятежной танко-

вой бригады регулярной армии Афганистана, а также вести наблюдение за частями афганской армии, которые предпримут какие-либо действия, и воспрепятствовать их движению в город огнем штатного оружия. Поразили слова комдива: «Гвардии лейтенант Марченко, совершить марш по маршруту... занять рубеж... и стоять насмерть!».

За светлое время на трех боевых машинах я вышел на указанный рубеж, занял оборону, подготовил основные и запасные позиции для БМД. Время позволило обложить машины камнями, обустроить ячейки ведения огня из стрелкового оружия и гранатометов. Даже успел прикинуть пути отхода на случай, если судьба позволит совершить нам маневр. Я прекрасно понимал, что такое танковая бригада – пусть даже афганской армии. Сопоставимость сил и средств была резко отрицательной не в нашу пользу, но в ушах стояли слова командира дивизии: «Стоять насмерть». Это, поверьте, не забывается. В 19.30 местного времени моя разведывательная группа была готова принять бой на указанном мне рубеже.

Боевой расчет выстроил следующим образом: в башнях боевых машин находились наводчики-операторы, рядом в оборудованных камнями ячейках расположил командиров отделений, которые также уверенно стреляли из вооружения БМД-1. Остальных разведчиков разместил с учетом круговой обороны на сокращенных расстояниях друг от друга. Понимая, что в случае огневого столкновения нам не устоять против танковых орудий. Для каждой боевой машины определил несколько запасных позиций, чтобы после двух-трех выстрелов менять ее положение на местности. Прикинул на карте несколько маршрутов отхода.

Грандиозная панорама огромного города, раскиданного в огромной долине, впечатлила разнообразием красок. Наступившая без привычных для нас сумерек ночь быстро поглотила столицу Афганистана. В прицеле боевой машины в ночном режиме хорошо просматривались улицы, районы восточного мегаполиса. Волнение было большим не только у нас, чувствовалось это и по радиообмену: в эфир часто выходил начальник разведки майор Скрынников, запрашивал у меня обстановку. Я докладывал, что все нормально, движение противника не отмечается. Ощущение волнения, нервозности достигло предела, когда наводчик-оператор Мандрыко доложил:

– Товарищ лейтенант, наблюдаю движение колонн на окраине города.

Прильнув к прицелу, я увидел движение боевой техники с включенными фарами от аэродрома, где расположились части дивизии после приземления, в сторону города. Недоумение было полным: не зная общей задачи соединения, я не мог предположить, что в Кабул на боевой технике входит 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

– Товарищ лейтенант, смотрите – стреляют. Действительно, над городскими кварталами, куда втягивались колонны боевых машин, полетели трассера. Вначале это были отдельные очереди из пулеметов, потом их интенсивность возросла. Минут через десять ухнули первые выстрелы орудий, которые вскоре превратились в артиллерийскую канонаду. Над Кабулом замерцал огневой шквал трассирующих очередей пулеметов, гул орудий. Картина привела в ступор личный состав моего взвода, наступило откровенное недоумение от видимой нами картины событий.

Такой ход событий вряд ли кто мог предположить: над Кабулом огненный шквал. В прицел я изучил местность – пока в порядке, тишина. Выскочив из БМД, обошел разведчиков, уточнил задачи, пробежался глазами по горизонту – ничего. Оставалось наблюдать фейерверк над Кабулом. Панорама поражала строчками очередей и выстрелов орудий. Что там происходило – трудно представить, но море трассирующих пуль, летящих в разные стороны, создавали картину тяжелого боя. В какой-то момент я увидел, что в одном из районов города строчки трассеров пошли навстречу друг другу. Вначале не понял развития ситуации, потом осенило: идет взаимная перестрелка, причем очень сильная. С одной и другой стороны навстречу друг другу исходила стрельба, которая минут через двадцать уменьшилась и вскоре затихла. Позднее стало известно: в огневое столкновение вступили два наших парашютно-десантных полка,

которые, не разобравшись в городской обстановке, вступили друг с другом в огневой контакт. К счастью, обошлось без жертв.

До полуночи шла сильная перестрелка, которая то уменьшалась, то набирала обороты. Затем общая ситуация огневого воздействия пошла на убыль, гул орудий вообще прекратился. Над Кабулом летали отдельные очереди трассирующих пуль, вскоре и они исчезли в наступившей тишине. У нас на позиции было еще тише – обстановка без изменений. Я дал команду разведчикам перекусить сухим пайком.

– Товарищ лейтенант, давайте с нами, – позвал, подошедший Сафаров.

– Добро, Сергей, иду, перехватить надо, кто его знает, что будет дальше.

Покушали быстро. Вскоре стало светать. Внимательно изучив местность вокруг позиции взвода, я мысленно проиграл ситуацию: а что, если бы танки пошли на Кабул, и пришлось бы вступить с ними в бой? От наших позиций до дороги метров 350, каждая из БМД безнаказанно сделала бы по танкам 5–6 выстрелов – 15–18 в общей сложности. Результат поражения с такого расстояния большой, но, не переоценивая степени нашей подготовки, допустил, что потери противника могли составить до 60 процентов. Значит, 8–10 танков, то есть до танковой роты мы могли бы уничтожить за счет внезапной атаки. Но если бы танковый батальон афганской армии действительно попытался войти в Кабул с нашего направления, то реакцию двух других танковых рот батальона легко представить: развернулись бы в боевую линию и несколькими выстрелами с нами покончили.

Для нас эта ночь закончилась благополучно. Командование дивизии предполагало, что активные мероприятия по захвату ключевых объектов в Кабуле нашими частями и подразделениями могли спровоцировать отдельные танковые части афганской армии на оказание сопротивления. В частности, моей разведывательной группе и была поставлена задача с учетом этого фактора: дать информацию штабу дивизии, если с моего направления такая попытка появится.

Доложив начальнику разведки о том, что движение на дороге не отмечается, я получил приказ на возвращение в район аэродрома. Без всяких проблем совершив марш по Кабулу, мы вернулись в расположение роты по маршруту.

Глава 4

Для разведчиков 80-й отдельной разведывательной роты дивизии перевал Паймунар, вершина горного хребта Ходжа-Раваш стали не только полигоном, но и родным домом. Ежедневные занятия с разведчиками я проводил с максимальной отдачей сил, энергии, с ужасом отмечая, что наша профессиональная подготовка для действий в горах может служить не более чем базовой, которую необходимо восполнять ежедневными упорными тренировками. На первом этапе занятий я ставил задачи разведывательной группе, которые состояли только в том, чтобы просто подняться на вершину горы со штатным вооружением, снаряжением без отработки тактических и огневых задач. Например, выдвинуться по маршруту: базовый район – вершина горы Ходжа-Раваш с целью ведения разведки, обнаружения противника, определения координат для корректировки огня артиллерии и авиации в зоне ответственности дивизии.

Первые тренировочные подъемы на вершину горы продолжались около двух часов. Штатное оружие, боеприпасы, сухой паек, вода, снаряжение весили до 30 килограммов, каждый подъем на горный хребет был тяжелейшим испытанием на физическую прочность и выносливость. А каково было пулеметчикам и гранатометчикам со штатным оружием! Несколько восхождений на вершину дали четкое понимание – тренировки должны продолжаться по нарастающей динамике. Неимоверная усталость и тяжесть наваливались на тело после каждого подъема на гору, судороги схватывали икры ног и не отпускали по несколько часов. Массаж мышц приводил в относительную готовность к дальнейшим занятиям, которые с каждым разом я усложнял с переходом на ночь. С карандашом в руке частенько сидел и чертил схемы вариантов выдвижения группы в тыл противника, порядок действий, наращивал обстановку вариантами встречи с душманами, обеспечения прикрытия, страховки, ухода на другой маршрут, выноса условных раненых, убитых.

Тренировки в горах продолжались неделями – днем и ночью: интенсивные, тяжелые. От неимоверной нагрузки разведчиков тошнило, пот выедал глаза солевыми потоками, я и сам валился с ног от усталости и напряжения. На вершине горы, захлебываясь потом, мы падали в изнеможении, занимали оборону, наблюдали за местностью, лежали, выравнивая дыхание, а сердца рвались из груди. После продолжительных покорений вершины и штурма горной гряды к нам приходила постепенная уверенность в силах. Теперь уже каждый разведчик совершенно точно знал: при действиях в горах нам необходима величайшая выносливость. Выносливость и еще раз – выносливость! Эту физическую возможность человека и сейчас ставлю на первый план.

Тем не менее, с каждой последующей тренировкой я шел на усложнение задачи: придумывал мишени, которые выставлял до вершины горы по ярусам – они обозначали противника. Действия разведывательной группы выстраивал в режиме реального времени, по установленному мною маршруту я направлял головной разведывательный дозор, который вел наблюдение за местностью, обнаруживал противника (мишени), подавал нужные сигналы. Разведгруппа занимала одно из боевых положений, отработанных на тренировках («домашние заготовки»), которые я предлагал во множестве вариантов, каждый раз усложняя на практике. Разведдозор, прикрывая основной состав разведчиков, открывал огонь по мишеням, тем самым обеспечивая выход группы из боя с уходом на другой маршрут. Обнаруживал нового противника – ярусом выше (ниже), стремящегося перехватить группу при совершении маневра. Постоянно находясь в движении (противника надо окружить, сбить с толку), он принимал удобное положение для ведения боя, открывал огонь на поражение. В работу включалась группа прикрытия тыла – вместе с головным дозором она автоматным огнем уничтожала противника. После чего следовал сигнал – «путь свободен».

Основная группа выходила на запасной маршрут, продолжая движение к объекту задачи. Группа прикрытия переносила огонь на следующего противника, обеспечивая отрыв основной группы от места боестолкновения, и следовала за ней. Далее еще находились мишени: справа, слева, с обеих сторон, обозначавшие внезапное нападение из засады. Опять работали по ним, маневрировали, уходили, прикрывая друг друга до самой вершины. Наконец, линия водораздела. Обессиленные мы валились на камни, в голове стучали молоточки – только бы не потерять сознание. Коротенький отдых, наблюдение за кишлаком (реальным) и опять бесконечные тренировки. Мы нарабатывал тактику действий группы во множестве вариантов, которые могли бы иметь место при выполнении задач поиска, засадных действий, наблюдения за противником.

Далее я опять усложнял задачу появлением условных раненых, убитых, которым разведчики оказывали первую медицинскую помощь, эвакуировали в безопасное место. Затем следовал отдых в замаскированном месте с принятием мер предосторожности, после чего я применял третью степень сложности боевого применения группы – подъем в гору с выполнением тактических, специальных и огневых задач, с эвакуацией условных раненых и убитых. Такие тренировки продолжались днем и ночью с параллельным выполнением реальных боевых задач.

По такой вот методике до конца марта 1980 года дивизионная разведка готовилась к ведению боевых операций. Мне много раз приходилось говорить на разные аудитории: «Слава богу, что у нас выдалось время на подготовку к боевым действиям». Война отвела нам время для того, чтобы мы психологически и профессионально вросли в обстановку. Подчеркну, мы – разведка ВДВ, и в Союзе нам равных не было! У нас, в отличие от подразделений других родов войск, была сильнейшая подготовка. Проведены учения, разведвыходы, стрельбы, вождение боевых машин, но в Афганистане подготовка к боевым действиям начиналась с нуля. Нам многое еще предстояло узнать и постичь, чтобы быть успешными в настоящей войне.

Заканчивался февраль 1980 года. Полным ходом шла разработка первой Кунарской операции. Личный состав, выделенный в отдельную группировку, приступил к занятиям в горных условиях по тактической и огневой подготовке. Заканчивался сезон дождей с непролазной грязью, рваными клочьями облаков и бесконечным холодным дождем над палаточным городком. Именно такая картина оставила в памяти след прохладного неба войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.